

П. Мрочек-Дроздовский

**Памятники русского права
времени местных законов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П. Мрочек-Дроздовский**
Памятники русского права времени местных законов / П. Мрочек-Дроздовский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 222 с.

ISBN 978-5-4241-9587-7

ISBN 978-5-4241-9587-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

мотой и Русской Правдой по отношению къ этимъ дѣламъ состоятъ въ томъ, что, во-1-хъ, всякая пеня, безъ различія содѣяннаго, въ Псковѣ называлась *продажей*, во-2-хъ, пени Псковской грамоты однообразнѣе пеней Русской Правды; въ-3-хъ, такъ-какъ высшимъ наказаніемъ въ Псковѣ была смертная казнь, то, естественно, важнѣйшія преступленія были изъяты изъ-подъ княжеской судебной власти. Между тѣмъ, количество преступленій, подлежащихъ высшей карѣ, въ Псковской грамотѣ значительнѣе, чѣмъ въ Русской Правдѣ. Такимъ образомъ, пенное право князя—судьи было сильно ограничено въ Псковѣ сравнительно съ общерусской Правдой ¹⁾.

2. Судъ посадника. Этому суду подлежали всѣ гражданскія тяжбы, а также, вѣроятно, и всѣ важнѣйшія преступленія. Посадничій судъ, по закону, долженъ быть производиться на княжескомъ дворѣ (*квѣ князя на стѣнѣхъ*). Ст. 4); отсюда можно заключить, что князь участвовалъ въ этомъ судѣ и что судъ *собственно-княжеской* отличался отъ суда посадничьяго лишь тѣмъ, что отъ дѣлъ, подлежащихъ послѣднему, не шли казенныя пени. Если же это такъ, то въ псковскомъ судоустройствѣ повторяется дѣйствіемъ судный обычай Русской Правды, измѣненный лишь соответственно мѣстному значенію посадника ²⁾.

Въ псковскихъ пригородахъ были тѣ же главные виды и тотъ же составъ судовъ (княжескіе *наместнички*, *посаднички*. Ст. 5, 77) ³⁾.

3. Судъ братчины. Подъ именемъ *братчины* извѣстны общественныя, мірскія пиры. Эти пиры приурочивались къ опредѣленнымъ днямъ или временамъ года, давались на мірскую складчину и представляли собою одно изъ обычныхъ проявленій земской, вервной дружинности. Міръ избиралъ изъ своей среды *пирового старосту*, который и считался главаремъ братчины. Пировому старостѣ вмѣстѣ съ членами братчины (*тивцами*) предоставлялось право суда по дѣламъ, возникшимъ на пиру. Однако, не

¹⁾ Обо всемъ этомъ см. въ отдѣлѣ *о судѣ по преступленіямъ и проступкамъ*.

²⁾ Чѣмъ отличались посадники псковскіе (и новгородскіе) отъ всѣхъ другихъ и—слѣдовательно—въ чемъ могло заключаться это мѣстное измѣненіе общерусской судной *пошлины*?

³⁾ Въ Псковской грамотѣ упоминается еще судъ *старость*. О немъ см. у Владимірскаго-Буданова, Хр. I, ст. 156 пр. 164.

всѣ такія дѣла подсудны братчинному суду. Дѣла, входившія въ составъ княжеской судебно-пенной власти, не могли быть подсудны братчинамъ,—это было бы нарушеніемъ княжескаго права. По такимъ дѣламъ можно было только дѣлать формальное заявленіе братчинному старостѣ и пивцамъ. Проф. Владимірскій-Будаговъ полагаетъ, что братчинному суду подлежали только дѣла о личныхъ обидахъ¹⁾. Съ этимъ нельзя не согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, по Псковскому закону, дѣла о побояхъ въ драгѣ, случившейся на пиру, могли оканчиваться примиреніемъ сторонъ, безъ пени, и въ этомъ смыслѣ, конечно могли быть предоставлены общинному суду безъ существеннаго ущерба княжескому доходу. (Ст. 113, 34, 80).

Судъ въ Псковѣ, какъ и всюду въ древней Руси, былъ *обвинительный*. Это съ особенною ясностью выражено въ грамотѣ; такъ, устанавливая предѣлы княжеской судебно-пенной власти, Псковская грамота говоритъ, что княжая пеня находится въ прямой зависимости отъ того, что доказано истцомъ-обвинителемъ (Ст. 37, 52)²⁾.

Церковный судъ въ Псковѣ принадлежалъ намѣстнику Новгородскаго архіепископа, или *владычю намѣстнику*. Дѣла, подлежавшія этому суду въ Псковѣ, были тѣ же, что и вообще въ древней Руси; вопросы о личной подсудности церковному суду и о судѣ смѣсномъ разрѣшаются грамотою по Владимірову церковному уставу (ст. 2, 109).

2. Качества суда.

Псковская грамота предписываетъ судьямъ присягать передъ вступленіемъ ихъ въ должность. Эта присяга скрѣпляла общаіе произвоditъ судъ *правый* и *нелиценпріятный*.

Судъ *правый* есть судъ *по правдѣ* («*взирая въ правду*»), т.-е. на точномъ основаніи законовъ, изложенныхъ въ судной грамотѣ.

¹⁾ Христ. I, 167, прим. 234.

²⁾ Найдите еще указанія въ Псковской грамотѣ на обвинительный порядокъ суда.

Судъ *нелицеприятный* есть судъ безпристрастный, независимый отъ личныхъ отношеній судьи къ тяжущимся (*«а судомъ не мститя ни на когожъ, а судомъ не отчитится»*) и неподкупный (*«а тайныхъ посуловъ не имати ни князю, ни посаднику»*).

Приговоръ долженъ быть обоснованъ *судомъ*, т. е. разборомъ дѣла, и судьямъ—кромѣ всего сказаннаго—еще воспрещается *безсудное* обвиненіе кого-либо, если таковое обвиненіе необосновано самимъ производствомъ дѣла и непредусмотрѣно въ законѣ.

Эти требованія, предъявленныя Псковской грамотой судьямъ, перешли и въ московскіе судебники, гдѣ выражены почти тѣми же словами.

Хотя эти требованія касаются главнымъ образомъ судей—некнязей, но и князья или ихъ намѣстники также подчинялись имъ. Это видно во-1-хъ изъ того, что самая грамота была составлена именно для руководства князей или ихъ намѣстниковъ, и кн. Шуйскій, первый полномочный великокняжескій намѣстникъ, присягнулъ на исполненіи предписаній этой грамоты, а во-2-хъ, изъ того, что нѣкоторыя изъ этихъ требованій, а именно—главнѣйшія изъ нихъ, поставлены какъ посаднику, такъ и князю.

Древность не знала различія суда отъ администраціи, а потому и здѣсь, въ этихъ предписаніяхъ о правосудіи, наряду съ требованіями отъ судьи, т. е. съ опредѣленіемъ качествъ суда, какъ такового, находятся требованія и отъ правителей (*«а городскими кумами не користоватися», «хотѣти Пскову добра»*).

Разсмотрѣнныя требованія выражены не столько въ видѣ закона, сколько въ видѣ нравственной заповѣди. Никакой кары за неправосудіе или иную неправду, по должности, не назначено; лишь указано на неизбежность отвѣта передъ Богомъ. Въ виду полной зависимости посадника и иныхъ земскихъ правителей и судей отъ вѣча, естественно предположить, что эта видимая безнаказанность должностныхъ лицъ за неправды въ значительной степени умѣрилась, если не вовсе уничтожалась, вѣчевою властью. Указаніе на судъ передъ Богомъ имѣло, главнымъ образомъ, значеніе для князей или ихъ намѣстниковъ, особенно въ то время, къ которому относится составленіе судной грамоты (ст. 3—5, 77).

3. Смѣна должностныхъ лицъ и ея послѣдствія.

Псковская грамота говоритъ, собственно, только о смѣнѣ посадниковъ. Впрочемъ, можно думать, что сказанное о смѣнѣ посадниковъ относилось и къ смѣнѣ всѣхъ другихъ должностныхъ лицъ земскаго уряда. Посадникъ упоминается только, какъ главное лицо въ этомъ урядѣ. Можно такъ думать потому, что опредѣляемая въ грамотѣ послѣдствія смѣны посадниковъ, по существу, нисколько не вытекають изъ какихъ-либо основныхъ, отличительныхъ признаковъ посадничей власти, какъ таковой. Грамота ностановляетъ, что посадникъ, оставляющій свой постъ, долженъ закончить всѣ тѣ дѣла своего уряда, которыя имъ начаты; новый посадникъ не имѣетъ права перерѣшать судебные приговоры своего предшественника (ст. 6).

4. Судебные чиновники.

Упоминаемые въ Псковской грамотѣ судебные чиновники были слѣдующіе:

1. **Пристава.** Одни изъ нихъ вызывали отвѣтчиковъ и свидѣтелей въ судъ; этихъ приставовъ можно назвать *позовщиками*. Другіе пристава находились при самомъ судѣ и назывались *подверниками*. Подверники наблюдали за тишиной и порядкомъ во время судебного засѣданія, а также производили, по порученію суда, отдѣльныя судебнo-слѣдственныя дѣйствія.

Пристава, позощики и подверники, вознаграждались по закону; вознагражденіе за вызовъ называлось *яздомъ*. Но первоначально законный яздъ не былъ обязательнъ для приставовъ-позовщиковъ; пристава могъ потребовать большую плату за свой трудъ, и въ такомъ случаѣ тяжущемуся предоставлялось право уполномочить на вызовъ любое стороннее лицо. Впослѣдствіи опредѣленный законами яздъ сталъ обязательнымъ.

Тѣ и другіе пристава были въ двойномъ числѣ: княжескіе и земскіе; земскіе пристава-позовщики назывались *подвойскими*. Подверники и позовщики,—послѣдніе съ тѣхъ поръ, какъ вызовъ

для нихъ стать обязательнымъ, — всегда отправляли свою должность одновременно по-двое и доходами дѣлились пополамъ. Вслѣдствіе того, что подвѣрники участвовали, по порученію суда, въ самомъ производствѣ, законъ предписываетъ имъ приносить должностную присягу, чтобы *«право не погубити, а виноватаго не оправити»* (ст. 49, 64, 81; 58, 59).

2. Писцы. Это были княжескіе служители, писавшіе различныя грамоты, которыя выдавались властью частнымъ лицамъ. За свой трудъ писцы брали вознагражденіе по договору съ лицами, которымъ выдавались грамоты; впоследствии была установлена извѣстная такса этого вознагражденія. По этой таксѣ трудъ писца оплачивался, смотря по количеству работы. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи такса не представляла большаго разнообразія, и дорожке всѣхъ другихъ грамотъ оплачивались однѣ правыя грамоты, или *судницы*, по поземельнымъ тяжбамъ. Такса эта не была обязательною, и, несмотря на ея существованіе, писмо грамотъ оставалось дѣломъ частнаго соглашенія писцовъ съ лицами заинтересованными ¹⁾.

3. Дьяки. Это, повидимому, секретари суда. О дьякахъ грамота говоритъ только въ одной статьѣ; изъ этой статьи, между прочимъ, видно, что дьяковъ, какъ и приставовъ, было; при дѣлѣ, двое, княжой и земскій (ст. 79).

Безъ сомнѣнія, двойной составъ судебныхъ чиновниковъ введенъ, какъ необходимое выраженіе равенства властей вѣчевой и княжеской; а отчасти и какъ средство обезпеченія суда отъ неправды. Чиновники княжіе и земскіе повѣряли другъ друга и слѣдили одинъ за другимъ. Всего яснѣе эта дѣль должностного подвойничества выражена въ постановленіи грамоты о дьякахъ ²⁾.

4. Межевщики, или межники. Межники были, повидимому, княжескими чиновниками. На обязанности этихъ чиновниковъ лежало установленіе и возстановленіе межей, а также имъ поручалось судомъ примирительное производство поземельныхъ тяжб ³⁾. Меж-

¹⁾ Ст. 50, 82, 83. Какія грамоты упоминаются въ этихъ статьяхъ и какой признакъ официальности этихъ грамотъ?

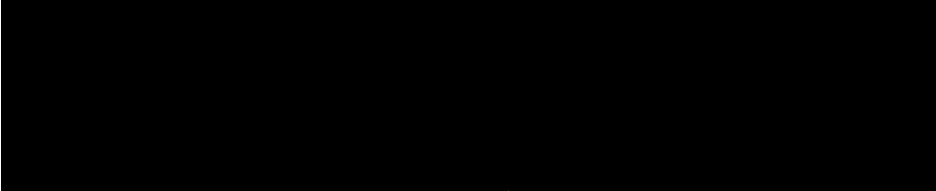
²⁾ Въ чемъ именно?

³⁾ Когда возникала необходимость въ такомъ производствѣ?

ники вѣдали на мѣсто спорной земли по приглашенію тяжущихся и должны были присягать въ правильномъ отправленіи своей должности. Должность межника, или *межничество*, была, повидимому, временнымъ порученіемъ, а не постояннымъ урядомъ. Дѣйствія межниковъ производились при сотскихъ, какъ представителяхъ земщины (ст. 10, 78, 106¹).

5. Судебное представительство.

Судебное представительство въ Псковѣ допускалось или какъ льгота, или по необходимости. Какъ льгота, судебное представительство допускалось для женщинъ, иноковъ, дряхлыхъ стариковъ и для глухихъ. Необходимымъ оно было малолѣтнимъ и—для церковныхъ тяжбъ.—Судебные представители назывались *пособни-*



6. Отношеніе сторонъ и пособниковъ къ суду.

Относительно поведенія сторонъ на судѣ Псковская грамота постановляетъ, что за ударъ, нанесенный однимъ соперникомъ другому на судѣ, виновный подлежитъ частному вознагражденію и княжой продажѣ (Ст. 111). Несомнѣнно, той же отвѣтственности подлежали и пособники, какъ представители сторонъ. Гораздо строже грамота относится къ недозволенной *помочи*. Но отвѣтственности въ данномъ случаѣ подлежали не стороны, виновныя въ наводкѣ, а участники, т. е. сами *пособники* ¹⁾. Такіе пособники, хотя бы они и не производили никакого внѣшняго насилія, подлежатъ заключенію въ колодку (*дыбу*) и рублевой продажѣ, а если кто-либо изъ нихъ ударить, при этомъ, подверника, то обязанъ, сверхъ того, уплатить частное вознагражденіе потерпѣвшему (Ст. 58).

II. ЗАКОНЫ О СУДОПРОИЗВОДСТВѢ.

1. О вызовѣ въ судъ и о взаимныхъ отношеніяхъ сторонъ при этомъ вызовѣ.

Первоначально истецъ самъ вызывалъ отвѣтчика къ суду или поручалъ это дѣло приставу, а если не сходился съ нимъ въ платѣ, то нанималъ для вывоза стороннее лицо. Впослѣдствіи дѣло вызова стало обязанностью приставовъ.

Какъ полномочіе на вызовъ отвѣтчика, истцу выдавалась судомъ *позывница*, которая прочитывалась вызываемому всенародно на торгу въ мѣстѣ жительства послѣдняго; если же отвѣтчикъ уклонялся отъ вызова или если онъ не являлся на торгъ для выслушиванія позывницы, то истецъ могъ прочесть позывницу на торгу въ присутствіи мѣстнаго священника.

По прочтеніи позывницы стороны условливались о срокѣ явки къ суду. Если же отвѣтчикъ уклонялся отъ опредѣленія срока

¹⁾ Ср. эту статью съ соотвѣтствующей статьёю Новгородской судной грамоты.

явля¹⁾, то по истеченіи 4 дней (льготный срокъ) обвинялся безъ суда—за неявку (Ст. 25).

Несомнѣнно отвѣтчикъ вызывался тѣмъ же порядкомъ и подлежалъ той же отвѣтственности за неявку къ суду и при вызовѣ черезъ пристава или наймита.

Если, при непосредственномъ вызовѣ; стороны согласятся немедленно явиться къ суду, то отвѣтчикъ идетъ на судъ вмѣстѣ съ истцомъ и какъ бы подъ его присмотромъ; при этомъ законъ воспрещаетъ истцу всякое насиліе надъ отвѣтчикомъ, а отвѣтчику—сопротивленіе. Насиліе истца надъ отвѣтчикомъ, предусматриваемое въ данномъ случаѣ закономъ, двухъ видовъ: самоуправство и простыя побой; что же касается до сопротивленія отвѣтчика истцу, то законъ предусматриваетъ здѣсь *только* вооруженное сопротивленіе²⁾.

Законъ воспрещаетъ и всякое насиліе надъ имуществомъ вызываемаго отвѣтчика. По отношенію къ этому законъ, впрочемъ, различаетъ отвѣтчиковъ по ихъ положенію. Если отвѣтчикъ частное лицо, то истецъ, взявшій, при вызовѣ, что-либо *силою за свой долгъ* изъ имущества отвѣтчика, обвиняется въ грабежѣ, если не докажетъ на судѣ своего исба; если же отвѣтчикъ чиновникъ—по иску на него въ лихоимствѣ, то истецъ обвиняется въ грабежѣ независимо отъ исхода тяжбы (Ст. 26, 67, 48).

2. О судебныхъ доказательствахъ.

Виды судебнымъ доказательствамъ по Псковской грамотѣ слѣдующіе: *судебный поединокъ*, или *поле*, *свидѣтельскія показанія*, или *послушество*, *письменные документы* и *присяга*. Изъ этого перечня можно видѣть, какъ и чѣмъ именно измѣнилась въ Псковскомъ законѣ система доказательствъ Русской Правды.

¹⁾ Т. е. или не явился на слушаніе позывающаго, или хотя и явился, но не согласился ни на какіе сроки, предложенныя истцомъ, и самъ отказался опредѣлить срокъ.

²⁾ Почему въ законѣ предусмотрено *только* вооруженное, а не простое, сопротивленіе отвѣтчика истцу? Почему въ той же статьѣ говорится о наказаніи *только* за убійство?

Судебный поединок следует признать главным видом псковской системы судебных доказательств. Такой взгляд на значение судебного поединка, по Псковскому закону, основывается во 1) на томъ, что это доказательство принимается какъ къ уголовнымъ, такъ и къ гражданскимъ тяжбамъ и во 2) на томъ, что судебный поединокъ при извѣстныхъ условіяхъ является необходимымъ дополненіемъ свидѣтельскихъ показаній.

По своему—такъ сказать—всеобщему примѣненію, судебный поединокъ захватилъ собою тѣ виды ордалий, которые мы видимъ въ Русской Правдѣ, а по примѣненію этого способа доказательства къ послушеству судебный поединокъ сталъ дѣйствительно главнѣйшимъ судебнымъ доказательствомъ и отбросилъ послушество на второе мѣсто.

Что касается до письменныхъ доказательствъ, то, конечно, ихъ область—въ гражданскихъ тяжбахъ; и здѣсь они имѣютъ первенствующее значеніе.

Остальные виды судебныхъ доказательствъ въ Псковской грамотѣ—тѣ же, что и въ Русской правдѣ; но постановленія о нихъ Псковской грамоты дополняютъ и замѣняютъ соответствующія статьи Русской Правды.

1. Судебный поединокъ, или *полю*. Постановленія Псковской грамоты о *полю* послужили источникомъ соответствующихъ статей московскихъ Судебниковъ, гдѣ эти постановленія получили полное развитіе. Собственно; о производствѣ *полю* Псковская грамота мало говоритъ; въ ней главнымъ образомъ уназываются случаи примѣненія *полю*, послѣдствія *полю* для тяжущихся; а также опредѣлены права и обязанности споровъ и послуховъ, относительно найма борювъ.

Что касается до случаевъ примѣненія *полю*, то эти случаи будутъ разсмотрѣны въ связи съ тѣми статьями, гдѣ о томъ говорится, — въ тѣхъ отдѣлахъ, къ которымъ относятся эти статьи.

Здѣсь мы скажемъ только:

а) О *послѣдствіяхъ полю для тяжущихся*. Послѣдствія *полю* различны по различію дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ. Это различіе заключается въ томъ, что гражданская ответственность переходитъ на наследниковъ отвѣтчика или вообще обвиненнаго по

суду, тогда какъ уголовная кара всегда личная и преемству не подлежитъ ⁴⁾.

б) *О полевыхъ травлахъ и обязанностяхъ сторонъ и послужности относительно найма борцовъ.* Общее правило Псковской грамоты, перешедшее и въ московскіе законы о *поле*, состоитъ въ томъ, что стороны должны биться на поединкѣ лично. Это, конечно, и вполнѣ согласно съ самымъ существомъ *поля*, какъ суда Божія. Но это строгое правило смягчается тѣмъ, что нѣкоторые лица могли, по закону, выставлять вмѣсто себя наемныхъ борцовъ. Такая льгота давалась тѣмъ лицамъ, которые пользовались льготой и относительно судебного представительства.

Наемъ борцовъ, искусниковъ въ боевомъ дѣлѣ, конечно, противорѣчить существу *поля*: когда обращаются къ Божественному правосудію, то не можетъ быть мѣста никакому искусству или ухищреніямъ. Законъ снисходитъ лишь къ человѣческой слабости, но, при этомъ, старается ограничить это снисхожденіе, заключить его въ возможно-тѣсныя рамки. Если говорить о необходимости или умѣстности этого снисхожденія, то оно должно быть оказываемо исключительно сторонамъ, — тяжущимся. Въ самомъ дѣлѣ, истецъ или отвѣтчикъ въ спорѣ о правѣ можетъ заблуждаться, истецъ можетъ вполнѣ добросовѣстно преувеличивать свое право, свою обиду или считать своимъ то, что ему не принадлежитъ, по простой ошибкѣ, недоразумѣнію. Въ своемъ дѣлѣ трудно быть спокойнымъ и безпристрастнымъ. Отвѣтчику же, кромѣ того, при его оборонительномъ положеніи въ извѣстной мѣрѣ простительно и самое заpirationство. Но въ рѣшительную минуту увѣренность истца въ своей правотѣ можетъ поколебаться, и онъ съ беспокойнымъ духомъ выступить на *поле*, судъ Божій. Еще болѣе вѣроятія, что отвѣтчикъ смутится передъ этимъ судомъ, а съ другой стороны, возможно, что у него не хватитъ рѣшимости и со-